

СУБЪЕКТ-ОБЪЕКТНЫЕ ОТНОШЕНИЯ В СИСТЕМЕ СОЦИАЛЬНОГО УПРАВЛЕНИЯ В ПОДХОДАХ КИТАЙСКИХ СОЦИОЛОГОВ

Е. В. Кремнёв^a, П. П. Дерюгин^{b, c, d}, Л. А. Лебединцева^{b, c}, О. В. Кузнецова^a

^a Балтийский федеральный университет имени Иммануила Канта (Калининград, Россия)

^b Санкт-Петербургский государственный университет (Санкт-Петербург, Россия)

^c Российско-китайский центр междисциплинарных исследований

Социологического института РАН Федерального научно-исследовательского
социологического центра Российской академии наук (Санкт-Петербург, Россия)

^d Санкт-Петербургский государственный электротехнический университет (Санкт-Петербург, Россия)

АННОТАЦИЯ

Введение. Актуальность исследования обусловлена тем, что в современной социологии усиливается интерес к переходу от традиционной управленческой модели «субъект–объект» к более сложным формам взаимодействия. В Китае этот процесс обладает собственной региональной спецификой: заимствование глобальных концепций управления сочетается с сохранением ведущей роли партийно-государственных институтов и опорой на традиционные представления об управленческом процессе. Цель статьи – выявить и систематизировать подходы китайских социологов к пониманию субъект-объектных отношений в системе социального управления.

Материалы и методы. Теоретико-методологическую основу исследования составили концепция до-полненной социальности и трансдисциплинарный регионологический подход. Эмпирической базой работы для качественного анализа текстов являются 110 социологических диссертаций по теме социального управления, отобранных методом сплошной выборки из базы CNKI и выполненных в континентальном Китае с 2000 г. по настоящее время.

Результаты. В результате исследования установлено, что в современной китайской континентальной социологии сложились три группы подходов к проблеме субъект-объектных отношений в системе социального управления: этатистски-ориентированные, социум-ориентированные и «срединные» этатистски-социумные. Первая группа сохраняет фокус на институтах и интеракциях, основным субъектом управления в ней выступают партия и государство, а общество трактуется преимущественно как объект управленческого воздействия. Вторая группа сосредоточена на процессах самоорганизации общества и участии негосударственных акторов, она делает попытки учесть характеристики социального за пределами только институтов и интеракций. Наиболее востребованной на сегодня является третья группа подходов, которая предлагает учитывать ведущую роль партийно-государственных институтов с частичным включением в процессы управления различных локальных сообществ, общественных организаций и граждан с учетом новых характеристик социального: сетей и потоков.

Обсуждение. Китайская социология формирует гибридную модель социального управления, совмещающую концепции «субъект–объект» и «субъект–субъект». Эта модель призвана соединить традиционные китайские подходы на основе институционального воздействия с достижениями глобальных концепций управления с учетом горизонтальных социальных связей и динамичным развитием современного общества, его постоянной подвижностью и изменчивостью.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА

Сети, потоки, социальное управление, Китай, субъект управления, объект управления, китайская социология.

ФИНАНСИРОВАНИЕ

Исследование выполнено при финансовой поддержке БФУ им. И. Канта в рамках научного проекта №1048-Л-25 (программа «Приоритет-2030»).

ДЛЯ ЦИТИРОВАНИЯ

Кремнёв Е. В., Дерюгин П. П., Лебединцева Л. А., Кузнецова О. В. Субъект-объектные отношения в системе социального управления в подходах китайских социологов // Вопросы управления. 2026. Т. 20, № 3. С. 38–53. EDN YORMQM.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

Кремнёв Евгений Владимирович – доктор социологических наук, доцент; Балтийский федеральный университет имени Иммануила Канта (236041, Россия, г. Калининград, ул. А. Невского, д. 14) – *руководитель Научно-методического объединения по востоковедению, ведущий научный сотрудник*; kremnyov2005@yandex.ru. SPIN 9597-5548, ORCID 0000-0001-5255-3772, Scopus 57211607591, Researcher Q-4396-2018.

Дерюгин Павел Петрович – доктор социологических наук, профессор; Санкт-Петербургский государственный университет (199034, Россия, г. Санкт-Петербург, Университетская набережная, д. 7-9) – *заведующий кафедрой экономической социологии*; Социологический институт РАН Федерального научно-исследовательского социологического центра Российской академии наук (190005, Россия, г. Санкт-Петербург, ул. 7-я Красноармейская, д. 25/14) – *руководитель Российско-Китайского центра междисциплинарных исследований*; Санкт-Петербургский государственный электротехнический университет (197022, Россия, г. Санкт-Петербург, ул. Профессора Попова, д. 5) – *профессор кафедры социологии и политологии*; deriuginpav@yandex.ru, SPIN 7816-6709, ORCID 0000-0002-5380-8498, Scopus 57205375761, Researcher AFJ-7283-2022.

Лебединцева Любовь Александровна – доктор социологических наук, профессор; Санкт-Петербургский государственный университет (199034, Россия, г. Санкт-Петербург, Университетская набережная, д. 7-9) – *профессор кафедры экономической социологии*; Социологический институт РАН Федерального научно-исследовательского социологического центра Российской академии наук (190005, Россия, г. Санкт-Петербург, ул. 7-я Красноармейская, д. 25/14) – *ассоциированный научный сотрудник Российско-китайского центра междисциплинарных исследований*; llebedintseva879@gmail.com, SPIN 1996-9779, ORCID 0000-0002-9458-4689, Scopus 56820216100, Researcher I-7256-2013.

Кузнецова Ольга Владимировна – кандидат филологических наук, доцент; Балтийский федеральный университет имени Иммануила Канта (236041, Россия, г. Калининград, ул. А. Невского, д. 14) – *доцент-исследователь, руководитель Научной группы по трансдисциплинарной регионологии*; kuznetsova1@mail.ru. SPIN 9800-9784, ORCID 0000-0002-9895-0471, Scopus 57222491780, Researcher CAA-6961-2022.

ВКЛАД АВТОРОВ

Кремнёв Е. В. – определение замысла, подготовка начального варианта текста, сбор данных, анализ литературы по социальному управлению, обзор китайской литературы.

Дерюгин П. П. – научное руководство, определение методологических подходов исследования, критический анализ текста.

Лебединцева Л. А. – подготовка текста, теоретический анализ литературы по гносеологии субъект-объектных отношений.

Кузнецова О. В. – анализ материала на основе концепции дополненной социальности, доработка окончательного текста статьи.

КОНФЛИКТ ИНТЕРЕСОВ

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

ИСПОЛЬЗОВАНИЕ СРЕДСТВ ИИ

Авторы заявляют о том, что при написании данной статьи не применялись средства генеративного искусственного интеллекта.

Статья поступила 25.04.2026; рецензия получена 15.06.2026; принята к публикации 30.06.2026.

SUBJECT-OBJECT RELATIONS IN THE SOCIAL GOVERNANCE SYSTEM: CHINESE SOCIOLOGISTS APPROACHES

E. V. Kremnyov ^a, P. P. Deriugin ^{b, c, d}, L. A. Lebedintseva ^{b, c}, O. V. Kuznetsova ^a

^a Immanuel Kant Baltic Federal University (Kaliningrad, Russia)

^b Saint Petersburg State University (Saint Petersburg, Russia)

^c Russian-Chinese Center for Interdisciplinary Research, Sociological Institute of the Russian Academy of Sciences, Federal Research Sociological Center of the Russian Academy of Sciences (Saint Petersburg, Russia)

^d Saint Petersburg Electrotechnical University (Saint Petersburg, Russia)

ABSTRACT

Introduction. The relevance of this study is related and explained by the fact that contemporary sociology is showing growing interest in the transition from the traditional “subject-object” model of governance to more complex forms of interaction. In China, this process has its own regional feature: the borrowing of global governance concepts is combined with the preservation of the leading role of party-state institutions and reliance on traditional views of the governance process. The aim of the article is to identify and systematize the approaches of Chinese sociologists to understanding subject-object relations within the system of social governance.

Materials and Methods. The theoretical and methodological framework of the study is based on the concept of augmented sociality and a transdisciplinary regional approach. The empirical basis for the qualitative text analysis consists of 110 sociological dissertations on the topic of social governance, selected through comprehensive sampling from the CNKI database and completed in mainland China from 2000 to the present.

Results and conclusions. The study has revealed that contemporary mainland Chinese sociology has developed three groups of approaches to the problem of subject-object relations in the system of social governance: statist-oriented, society-oriented, and “intermediate” statist-society approaches. The first group maintains a focus on institutions and interactions; in this group, the main subject of governance is the party and the state, while society is interpreted primarily as the object of governance. The second group concentrates on processes of social self-organization and the participation of non-state actors; it attempts to take into account the characteristics of the social beyond institutions and interactions alone. The third group of approaches, currently the most in demand, proposes recognizing the leading role of party-state institutions while partially incorporating various local communities, public organizations, and citizens into governance processes, taking into account new characteristics of the social, namely networks and flows.

Discussion. Chinese sociology is developing a hybrid model of social governance that combines the concepts of “subject-object” and “subject-subject.” This model is intended to integrate traditional Chinese approaches based on institutional influence with the achievements of global governance concepts, taking into account horizontal social ties and the dynamic development of contemporary society, as well as its constant mobility and changeability.

KEYWORDS

Networks, flows, social governance, China, subject of governance, object of governance, Chinese sociology.

FUNDING

The study was supported by Immanuel Kant Baltic Federal University within the framework of research project № 1048-L-25 (Priority 2030 program).

FOR CITATION

Kremnyov, E. V., Deriugin, P. P., Lebedintseva, L. A., Kuznetsova, O. V. (2026) Subject-object relations in the social governance system: in Chinese sociologists approaches. *Management Issues*, 20 (3), 38–53. <https://elibrary.ru/yopmqm>.

AUTHORS' INFORMATION

Evgeny V. Kremnyov – Doctor of Sociological Sciences, Associate Professor; Immanuel Kant Baltic Federal University (236041, Russia, Kaliningrad, A. Nevskogo St., 14) – *Head of the Academic and Methodological Unit for Oriental Studies; Leading Research Fellow*; kremnyov2005@yandex.ru. SPIN 9597-5548, ORCID 0000-0001-5255-3772, Scopus 57211607591, Researcher Q-4396-2018.

Pavel P. Deriugin – Doctor of Sociological Sciences, Professor; Saint Petersburg State University (199034, Russia, Saint Petersburg, Universitetskaya Emb., 7-9) – *Head of the Department of Economic Sociology*; Sociological Institute of the Russian Academy of Sciences, Federal Center of Theoretical and Applied Sociology of the Russian Academy of Sciences (190005, Russia, Saint Petersburg, 7th Krasnoarmeyskaya St., 25/14) – *Head of the Russian-Chinese Center for Interdisciplinary Research*; Saint Petersburg Electrotechnical University (197022, Russia, Saint Petersburg, Professora Popova St., 5) – *Professor of the Department of Sociology and Political Science*; deriuginpav@yandex.ru. SPIN 7816-6709, ORCID 0000-0002-5380-8498, Scopus 57205375761, Researcher AFJ-7283-2022.

Liubov A. Lebedintseva – Doctor of Sociological Sciences, Professor; Saint Petersburg State University (199034, Russia, Saint Petersburg, Universitetskaya Emb., 7-9) – *Professor of the Department of Economic Sociology*; Sociological Institute of the Russian Academy of Sciences, Federal Center of Theoretical and Applied Sociology of the Russian Academy of Sciences (190005, Russia, Saint Petersburg, 7th Krasnoarmeyskaya St., 25/14) – *Associate Research Fellow, Russian-Chinese Center for Interdisciplinary Research*; llebedintseva879@gmail.com. SPIN 1996-9779, ORCID 0000-0002-9458-4689, Scopus 56820216100, Researcher I-7256-2013.

Olga V. Kuznetsova – Candidate of Philological Sciences, Associate Professor; Immanuel Kant Baltic Federal University (236041, Russia, Kaliningrad, A. Nevskogo St., 14) – *Research Associate Professor, Head of the Research Group in Transdisciplinary Regionology*; kuznetsova1@mail.ru. SPIN 9800-9784, ORCID 0000-0002-9895-0471, Scopus 57222491780, Researcher CAA-6961-2022.

AUTHORS' CONTRIBUTION

Kremnyov E. V. – defining the concept, preparing the initial version of the text, data collection, analysis of literature on social management, review of Chinese literature.

Deryugin P. P. – scientific supervision, defining methodological approaches to the research, critical analysis of the text.

Lebedintseva L. A. – text preparation, theoretical analysis of literature on the epistemology of subject-object relations.

Kuznetsova O. V. – analysis of the material based on the concept of augmented sociality, article final version revision.

CONFLICT OF INTEREST

The authors declare no conflicts of interest.

USE OF AI TOOLS DECLARATION

All authors declare that they have not used Artificial Intelligence (AI) tools for the creation of this article.

The article was submitted 25.04.2026; reviewed 15.06.2026; accepted for publication 30.06.2026.

■ ВВЕДЕНИЕ

Социальное управление как общественный феномен исследуется уже довольно давно, в том числе силами социологии и регионологии. В социологии – в связи с общественной ориентацией управления, внятно сформулированной уже в XX веке, в регионологии – в силу того, что глобальные концепции управления нередко сталкиваются с регион-специфичными формами их интерпретации и концептуализации в разных регионах мира. Не исключением является и Китай, который активно использует мировые достижения в сфере социального управления, но при этом ставит перед китайскими учеными задачу создания применимых для Китая управленческих стратегий. Выявление социологических подходов к этой задаче позволяет рассматривать социальное управление не только как феномен общественной жизни, но и как конструкт, создаваемый совместными усилиями политических и социальных элит, в том числе ученых. При этом мы учитываем проблему статуса ученого в разных регионах мира [1]: в Китае исследователю

придается особый, значимый статус, а его участие в управлении социальными процессами оценивается как высокое. Кроме того, российская социология управления предоставляет методологические возможности для работы на стыке с регионологией, поскольку, по мнению В. В. Щербины, имеет ориентир «на проблему поэтапных и осознанных изменений социального порядка (в привязке к разнотипным социальным общностям и к разным сферам социальной практики)» [2, с. 61]. Междисциплинарность исследования также базируется на переходе к постнеклассической парадигме, которая позволяет рассматривать социальное управление как комплексный процесс и синергетическую систему, что соответствует представлениям восточных обществ о себе, в том числе китайского общества [3].

В мировой науке социальное управление часто определяют через участие социума в процессах управления, так, Д. Х. С. Оливейра, обобщая множество других подходов, пишет, что под социальным управлением можно понимать такую

новую сферу управленческих знаний и практик, в которой наиболее значимую роль играют общественное участие и совместное принятие решений на основе солидарности и этики, при этом целью таких решений должно быть социальное развитие [4]. В этом своем ракурсе социальное управление представляется противоположностью бюрократическому и административному типу управления, долго главенствовавшему как в практике, так и в теоретических изысканиях. Как указывает Ф. Тенорио, суть нового типа управления – поиск диалога и форм участия, а в качестве субъекта принятия решений позиционируются многие акторы, в том числе представители социума, которые ранее рассматривались как объекты¹.

Постоянное увеличение числа акторов социального управления поднимает большое количество вопросов, в частности, насколько управляемыми являются такого рода системы. Под «управляемостью», как ее трактует, в частности, М. Коппедж, понимается степень взаимной регулируемости между участниками управленческих процессов в рамках понятных и принимаемых всеми участниками формул [5]. При этом во многих концепциях роль регулятора таких отношений отводится государству, поскольку именно оно обладает высоким институциональным потенциалом (М. А. Рестрепо-Медина, М. А. Ньето-Родригес) [6]. Такие подходы акцентируются на государственном аппарате как на ведущем участнике социального управления, который призван устанавливать общественный порядок, решать социальные проблемы, создавать и поддерживать такие политические институты, которые будут содействовать социальному прогрессу. При этом современные тренды, например, информатизация и цифровизация, несколько не размыывают, но даже укрепляют этот подход: внедрение цифровых инструментов не делает общество как объект управления видимым, а напротив, даже снижает его агентность, превращая в набор данных на экране [7]. Таким образом, в довольно большом количестве мировых исследований управления сохраняется фокус на институтах и интеракциях как главных составляющих системы социального управления.

Одновременно с этим развивается и точка зрения, которая предполагает, что государственная машина с постепенным развитием общества эволюционирует от института строгих бюрократических форм к новым, диалогическим взаимодействиям. Более того, как полагают С. Йентофт и Р. Чуэнпагдее, суть управляющей системы, ее главное качество – это способность изменяться под запрос объекта управления [8]. Западные исследователи фиксируют самые различные проявления такого типа социального управления, например, исследуются факты, когда в целях более гибкой работы

и расширения возможностей для решения социальных проблем низовые управленцы все чаще отказываются от строгого выполнения государственных нормативных актов, если такое игнорирование государства происходит в интересах общества [9]. Подобным образом социальное управление как процесс коллаборации на основе коллективных интересов изучается и в отдельных организациях [10], и в целых социальных сферах [11].

Указанный подход меняет отношения субъекта и объекта, поскольку строго централизованная модель постепенно преобразуется в более широкую систему представительства интересов различных слоев, в ней задействуются не только ресурсы госаппарата, но и возможности других участников социальных отношений, в частности, бизнеса и общественных организаций. На основе таких подходов, как указывает Л. Ф. Агилар Вильянуэва, формируется новый тип управления, в основе которого – сложные взаимосвязи государственных органов, неправительственных акторов и общественных групп [12]. Эти взаимосвязи учитывают нечто большее, чем институты и интеракции, а потому идут поиски новых теоретических концепций, способных дать ответ, как именно управляются сложные социальные системы с большим количеством разнородных участников. Если рассматривать в качестве такой концепции акторно-сетевую теорию, то субъект и объект может полностью поменяться, например, Н. Аоки, М. Тэй, С. Рават в своей статье рассматривают в качестве субъекта всю сеть взаимосвязанных акторов (министерства, агентства, негосударственные организации, прочие структуры, связанные с реализацией управленческой деятельности и т. п.), а объектом выступают социальные проблемы, требующие решения [13].

В российской науке также идут подобные процессы размежевания подходов. Прежде всего, довольно большое количество исследований связано с институциональными аспектами социального управления: и с экономико-юридической точки зрения (Н. В. Бекетов) [14], и с социально-политической, и социально-экономической, в том числе на базе регионологических подходов (Ю. А. Афонин, Л. В. Орлова, Л. Д. Чернышова) [15; 16], и даже с позиции комплексной системы управления (А. О. Овчаров, Т. Н. Овчарова) [17]. Вместе с тем, наблюдается и переход к новой теории, описанной ранее и предполагающей более сложные отношения субъекта и объекта. Подобное размежевание – признак глубокого интереса к социальному управлению как явлению, поскольку, как указывает профессор В. А. Тихонов, субъект-объектная динамика напрямую связана с проблемой социетальной регуляции отношений в обществе: она определяет процесс управления на всех уровнях системы социальной интеракции [18].

¹ Tenório F. G. Gestão social: uma perspectiva conceitual // Revista de Administração Pública. 1998. Vol. 32, № 5. P. 7–23.

Таким образом, в российских исследованиях также можно заметить доминирование двух разновекторных концепций социального управления, которые построены на разных принципах понимания субъект-объектных отношений: концепция вертикального воздействия и концепция горизонтального взаимодействия [19].

Первая концепция, которая может быть охарактеризована как традиционная, или устоявшаяся, предполагает, что управленческие процессы построены в первую очередь на институциональности как базовом условии социальных отношений. Вертикальное воздействие – это такое взаимодействие управляющих и управляемых институтов, при котором основной вектор управления – это управляющее воздействие «сверху вниз», такая позиция, в частности, излагается в российских социологических энциклопедиях^{2,3}. Противоположной концепцией (горизонтального взаимодействия) предлагается считать объект управления одновременно его субъектом, поскольку в той или иной форме общество принимает все больше участия в отношении того, как ему функционировать [20]. Эта проблема рассматривается в совершенно разных ракурсах. Так, академик В. С. Стёпин указал на оптику постнеклассической рациональности и синергетической парадигмы, в которой любые уровни иерархии сложных систем могут обладать определенной автономностью, но «их автономность имеет границы, которые определены их включенностью в более сложное целое, и подчиненностью этому целому» [3, с. 53]. Подобная ограниченность верхних субъектов управленческой иерархии позволяет системе наращивать различного рода формы самоорганизации и самоуправления: два эти процесса усиливают друг друга через социальную саморефлексию. Таким образом, социальное управление как деятельность все чаще рассматривается как формирование условий для того, чтобы общество имело все больше возможностей для конструктивной и общественно полезной самоорганизации и самоуправления (Л. К. Шаброва)⁴. Другими словами, под управлением, по мнению профессора В. Е. Лепского, в этой парадигме понимается «не жесткая детерминация систем, а “мягкие формы управления” – создание условий для их развития» [21, с. 95]. Дополнительным фактором, ускоряющим эти процессы, является цифровизация, которая выстраивает новые формы социумов, в первую очередь – сетевое и потоковое общество [22]. Эти новые формы имеют тенденцию к построению

т. н. «глобального социального управления», в котором, по мнению Г. Б. Орланова, диалог всех участников – основная форма взаимодействия [23]. В связи с цифровизацией всех общественных процессов в управлении тоже возникает новый тип совместной управленческой деятельности, напрямую завязанный на таких феноменах, как массовая культура, массовая социальная мобильность и массовая коммуникация, их взаимосвязь описывает в своей работе В. Н. Антошкин [24].

Две обозначенных концепции (вертикального воздействия и горизонтального взаимодействия) находятся в постоянном взаимодействии и рефлексии в рамках самых различных отраслей социальных наук. Нередко предпринимаются попытки осмыслить их возможное соединение в рамках одной, «примирительной» концепции, которая бы учитывала и весомую роль институтов и традиционных интеракций, но одновременно учитывала бы и новые характеристики социумов. В частности, звучат тезисы о том, что социальному прогрессу способствует отказ от навязывания административных методов управления, которые ведут к консервативному сопротивлению социумов. Вместо этого эффективными представляются единство подходов к управлению у субъекта и объекта и постоянный поиск методов регулирования, которые отвечают интересам нижних ступеней иерархии⁵.

Таким образом, постепенно сформировалось два концептуальных подхода к управлению, которые описывают наблюдаемый глобальный переход от первого (вертикального) ко второму (горизонтальному), т. е. от модели «субъект-объект» к модели «субъект-субъект», и одновременно проходят проверку временем и специфичными условиями в различных регионах мира. Проблема соотношения этих двух подходов все чаще попадает в фокус современной социологии. Особое звучание она обретает в Китае, континентальная часть которого активно придерживается двух разнонаправленных тенденций в построении системы социального управления. С одной стороны, Китай активно заимствует и адаптирует достижения западной социологии, с другой – ищет способы концептуализации собственной системы социального управления, в которой ведущую роль занимают Коммунистическая партия Китая и государственные органы КНР. В данной статье авторы анализируют и систематизируют подходы китайских социологов к проблеме совмещения этих двух тенденций.

² Бабосов Е. М. Социальное управление // Социология : энциклопедия / сост. А. А. Грицанов, В. Л. Абушенко, Г. М. Евелькин, Г. Н. Соколова, О. В. Терещенко. Минск : Интерпрессервис ; Книжный Дом, 2003. 1312 с.

³ Социальное управление // Российская социологическая энциклопедия / под общ. ред. акад. РАН Г. В. Осипова. М. : Издательская группа НОРМА-ИНФРА М, 1999. 672 с.

⁴ Шаброва Л. К. Самоорганизация и социальное управление // Вестник ВГАВТ. 2008. № 24. С. 45–46.

⁵ Захаров Н. Л. Специфика социальной системы России. Ижевск : Изд-во УдГУ, 2000. 219 с.

■ МАТЕРИАЛЫ И МЕТОДЫ

Теоретико-методологической аппарат данного исследования опирается на достижения социологии и трансдисциплинарной регионологии. Регионологический компонент учитывался в связи с необходимостью анализа регион-специфичных стратегий адаптации глобальных концепций социального управления в Китае.

В качестве основного материала анализа нами были отобраны тексты китайских социологических диссертаций по проблеме социального управления, работы отбирались на основе сплошной выборки из Китайской национальной базы научных работ CNKI. Базовые критерии отбора: работа должна быть выполнена по социологии, период выполнения – с 2000 по 2025 г., социальное управление вынесено в тему работы в качестве объекта изучения. Сплошная выборка дала нам 110 текстов, представляющих собой важный эмпирический материал, потому что, с одной стороны, отражают подходы китайских социологов к заявленной проблеме, с другой – содержат анализ по развитию самой системы социального управления в Китае за последние четверть века. Регионологические аспекты выборки, проявившиеся в отборе только тех работ, что были созданы в рамках континентальной социологии, обусловлены тем, что искомые подходы подвергаются ряду факторов, в том числе политического характера, и потому являются разными для континентальных и неkontинентальных территорий. Из исследования исключены территории Тайваня, Гонконга и Макао, которые по разным причинам сохраняют политическую и экономическую автономию: Тайвань – в связи с собственным политическим обособлением, Гонконг и Макао – в связи с функционированием в КНР принципа «одна страна – две системы», который позволяет этим регионам осуществлять относительную автономию на своей территории. Таким образом, важные для исследования факторы влияния (в частности, партийно-государственная идеология и традиционализм) в большей степени влияют на управленческие концепции континентального Китая. В результате сплошной выборки были отобраны работы с 2000 г. по настоящее время, именно на стыке XX и XXI в. появились первые диссертации, рассматривающие социальное управление как объект исследования. Все работы можно распределить между собой по трем значимым признакам. Первый – по различию подходов к концепции социального управления. 30 из 110 работ созданы в рамках концепции «шэхуэй гуаньли» (социального менеджмента), она была распространена в КНР до 2013 года и испытывала на себе значительное влияние глобальных подходов к управлению: в этот период заимствование западных образцов представлялось китайским

ученым и управленцам важным инструментом повышения эффективности развития экономики. 80 из 110 работ созданы после 2013 года по концепции «шэхуэй чжили» (социального управления), эта концепция построена под сильным влиянием партийно-государственной идеологии и традиционализма и демонстрирует переход к китаецентризму, который стал замечен после прихода к власти Си Цзиньпина. Второй признак распределения работ – это их специализация. Так, 31 из исследуемых диссертаций защищена по специальности «Социология» без указания уточняющей специализации, а 79 работ – с уточнением. При этом анализ различных типов специализации показывает, что внимание к социальному управлению как к объекту исследования можно видеть в самых различных сферах китайской социологии, что указывает на важность изучения этого феномена. Его исследуют как в рамках собственно социолого-управленческих специальностей (марксистское, государственное, организационное, региональное управление), так и на базе специальностей, где управление в названии не заявлено напрямую (политической, экономической, прикладной, этнической, культурной, правовой, сельской и городской социологии и т. п.). Это свидетельствует о признании китайскими учеными того факта, что социальное управление как явление социальной жизни пронизывает все ее сферы и влияет на самые различные процессы в обществе. Третий признак разделения работ между собой – регионологический: 48 диссертаций было осуществлено без региональной привязки и посвящено общим вопросам управления, 62 работы – на основе исследований в отдельных регионах Китая.

Тексты отобранных диссертаций подверглись качественному анализу, в результате которого были выявлены и описаны подходы китайских социологов к решению проблемы субъект-объектных отношений в системе социального управления Китая. В работе приводятся цитаты из некоторых проанализированных работ в подтверждение выявленных подходов, однако полученные выводы отражают содержание всех обозначенных диссертаций. Кроме того, в качестве источников авторы цитируют научные статьи по социальному управлению, также подтверждающие результаты анализа.

Наконец, обозначенные отношения субъекта и объекта в системе социального управления рассматриваются также в рамках концепции дополненной социальности, которая позволяет объяснить новые подходы в социологической науке через появление в ней наряду с традиционными характеристиками социальности (институты, интеракции) новых характеристик различной природы (сети и потоки) [25].

■ РЕЗУЛЬТАТЫ

Если рассматривать подходы китайской социологии к вопросу субъект-объектных отношений в системе социального управления, то можно увидеть, что во многих случаях социологическая наука в КНР продолжает опираться на устоявшиеся парадигмы, в рамках которых наиболее важными характеристиками социальности являются институты и интеракции [26]. В этих условиях «источником материального благосостояния выступают объёмы материальных ресурсов; сущность политической власти определяется как способ обеспечения государственной монополии на управление обществом; социальное единство понимается как равенство социальных групп на основе ответственности; роль культуры заключена в формировании общих идеалов и интересов социума; базовой характеристикой человека как современной личности предполагается социализация» [27]. В условиях Китая такой взгляд позволяет концептуализировать проблему субъекта и объекта, в первую очередь, через один из значимых для китайского общества традиционных элементов системы управления – иерархичность, через нее долгое время изучалась указанная система. Другими словами, уровни иерархии и определяли уровень субъектности.

В целом иерархическая система социального управления рассматривается через два подхода: в широком и узком смысле. Широкий подход, выделяемый, в частности, китайским социологом Ли Чэнвэем в работе «Инновации в системе социального управления: интерпретация с точки зрения государственного управления», предполагает, что социальное управление – это руководство всеми сферами, которые требуют контроля: политической, культурной, экономической, общественной и др. В узком смысле – это координация только социальной сферы⁶. При этом ведущим актором и широкого, и узкого типов социального управления у Ли Чэнвэя является государство. При этом ученый предполагает, что основной управленческой инновацией является включенность в этот процесс еще одного института – общественных организаций. Тогда полномочия между акторами распределяются следующим образом: политические институты регламентируют все ведущие сферы (в первую очередь – политику и экономику), а общественным институтам отходит социальная сфера. Нетрудно заметить, что социальная сфера в такой оптике воспринимается как низовая.

Подобным образом, через институты, трактует социальное управление известный социолог Чжэн

Ханшэн, который видит в нем в первую очередь институциональный процесс. Он также предлагает два взгляда на систему социального управления – широкий и узкий, где первый – это включение в социальную систему других подсистем: политической, экономической и культурно-идеологической, а также подсистемы общественной жизни, либо же выделение последней в отдельную подсистему, понимаемую узко и воспринимаемую как нижний элемент в этой иерархии⁷.

Однако все чаще китайские социологи начинают учитывать иные характеристики социальности. Мы предполагаем, что фиксируемые ими различные социальные феномены за пределами институтов и интеракций могут быть обобщены через такие характеристики социальности, как сети и потоки. Под «сетями» нами понимается «относительная социальность, интегрирующая только тех, кто подключен к сетевым сообществам, обладающая еще большей степенью личной свободы человека» [28], под «потоками» вслед за Б. Латуром мы имеем в виду «альтернативный, альтерсоциальный мир, мир абсолютной свободы индивида, где люди рассматриваются не как фиксированные сущности, но как потоки» [27]. В этом случае социальное управление предстает перед исследователем как своего рода целостный организм, который помимо институциональных аспектов (политика, право, финансы, налоги, администрирование и пр.) включает и многое другое. В частности, Дин Юаньчжу в статье «Построение теории социального управления в Китае» пишет, что в социальном управлении кроме макроуровня (политического) присутствует технический уровень. На этом уровне следует учитывать множество сложных и комплексных процессов, которые не решаются исключительно административным вмешательством: дестабилизирующее поведение, социальные риски и девиации, недовольство неравенством и т. д. Все эти многочисленные аспекты должны учитывать процессы сетевизации общества и его постоянную изменчивость, потоковую динамику. Именно эта сложность позволяет Дин Юаньчжу говорить о том, что на низовом уровне недостаточно институтов, здесь действующей силой становятся граждане⁸, которые ищут формы взаимодействия между собой, чтобы упорядочить общественные отношения с учетом сетей и потоков. Это участие социума в управлении своими делами Дин Юаньчжу фиксирует именно на так называемом техническом уровне.

Если следовать указанной тенденции в понимании социального управления, то можно

⁶ Ли Чэнвэй. Система социального управления и инновации с позиции публичного менеджмента // Китайское государственное управление. 2005. № 5. С. 39–41. (На кит. яз.).

⁷ Чжэн Ханшэн. На пути к социуму, который больше внимания уделяет управлению: построение общества и социальный менеджмент // Народный университет Китая. «Доклады о социальном развитии Китая-2006». Пекин: Издательство Народного университета Китая, 2006. 422 с. (На кит. яз.).

⁸ Дин Юаньчжу. Формирование китайской теории социального менеджмента в Китае // Ежемесячный научный журнал. 2008. – № 2. С. 26–36. (На кит. яз.).

обнаружить, что в китайской социологии вопрос субъекта и объекта не решается единым образом, как можно было предположить. Подходы к решению этой проблемы высказываются различные, в наиболее общем смысле мы хотели бы выделить этатистски-ориентированные (учитывающие институты и интеракции), социум-ориентированные (ищущие способы управления за пределами стандартных институтов и интеракций) и подходы «срединного» типа (этатистски-социумные, направленные на достижение равновесия между двумя первыми подходами).

■ ОБСУЖДЕНИЕ

К первым из указанных выше подходов – этатистски-ориентированным (на основе институтов и интеракций) – можно отнести те, в которых партия и государство скрыто или явно признается единственным актором социального управления. Остальные участники общественных процессов либо остаются в позиции объекта, иногда – в роли вспомогательных и не наделенных практически никакими полномочиями элементов. Эти подходы отражают традиционный тип управления, при котором всякие социальные силы, напрямую не относящиеся к государственной машине, считаются исключительно объектами управления, а не его субъектами. В частности, в качестве вспомогательных понимаются, например, общественные организации, которые в случае континентального Китая являются квазиобщественными, поскольку в КНР на самом деле нет независимых от государства структур⁹. Этатистские подходы проиллюстрированы, в частности, в работе Юй Кэпина «Содействие инновациям реформ системы социального управления»: автор относит все общественные организации к числу объектов, а не субъектов социального управления¹⁰. Традиционным этот подход можно считать и в прямом смысле: в рамках социальных наук делается значительное число научных работ, в которых прямо ставится задача обосновать современные механизмы управления с точки зрения управленческих традиций древности. Множество таких работ было зафиксировано и нами в процессе анализа социологических диссертаций, что является нетипичным для российских стратегий социологических исследований. В пример можно привести работы Чжан Сиюня «Исследование идей Гуань Чжуна о социальном управлении»¹¹ и Лу Сяо

«Пилотное исследование идей социального управления Лю Цзунъюаня»¹². Обе они представляют собой сопоставление древних и современных управленческих концепций, а также обоснование важности последних в связи с тем, что в работах выявляется опора современных элит на традиции Китая. В рамках этого подхода единственным институтом, формирующим систему социального управления, являются партийно-государственные органы, а остальные участники процесса являются объектами управления, выстраивающими на основе этих правил все возможные социальные интеракции.

Социум-ориентированные подходы, направленные на поиск стратегий управления за пределами институтов и интеракций стандартного типа, в настоящий момент не слишком распространены в материковом Китае, поскольку исследователям приходится озвучивать не получающую поддержки в правящих элитах идею необходимости снижения роли правительства и повышения роли иных – негосударственных – акторов в принятии государственно значимых решений. При всей инновационности китайской экономики и многих сфер общественной жизни правительство КНР на сегодня не продвигает такого рода управленческие инновации в связи с отсутствием механизмов регуляции научного плюрализма при авторитарной политической системе. Вместе с тем, такие концепции, высказываемые политически корректно и обладающие строгой научной аргументацией, имели место, как минимум, в качестве эксперимента в период до прихода к власти Си Цзиньпина и в начальный период его правления до усиления властной вертикали под его руководством. Так, Юй Цзинхуэй в работе «Исследование инноваций в механизмах социального управления в Китае в контексте глобализации» писал о том, что одна из перспектив системы социального управления – это распределение функций управления между государственными органами и различными общественными силами. В такой системе предполагается, что партии и государству достаточно формировать политико-идеологический курс, а способы его реализации – в руках самих граждан¹³. Сходные идеи высказывали Цзя Юйцзяо в работе «Координация интересов и упорядоченное общество: построение теории координации интересов в китайском обществе переходного периода с точки зрения социального

⁹ Дин Юаньжу. Формирование китайской теории социального менеджмента в Китае // Ежемесячный научный журнал. 2008. – № 2. С. 26–36. (На кит. яз.).

¹⁰ Юй Кэпин. Продвижение инновационных преобразований системы социального менеджмента // Сюэси шибао. 2007. № 388. (На кит. яз.).

¹¹ Чжан Сиюнь. Социально-управленческие идеи Гуань Чжуна : дис. м-ра социол. наук. Хэфэй : Аньхойский университет, 2017. 41 с. (На кит. яз.).

¹² Лу Сяо. Социально-управленческие идеи Лю Цзунъюаня : дис. м-ра социол. наук. Цзинань : Шаньдунский университет, 2021. 37 с. (На кит. яз.).

¹³ Юй Цзинхуэй. Инновации в механизмах китайского социального менеджмента в контексте глобализации : дис. д-ра социол. наук. Чанчунь : Цилиньский университет, 2011. 121 с. (На кит. яз.).

управления»¹⁴, Сюй Юнь «Исследование культуры и развития общественных организаций с точки зрения социального управления: на примере города Нанкин провинции Цзянсу»¹⁵ и многие другие социологи. Эти подходы отражают представления о социальных силах как об инструменте, который может сдерживать и корректировать перегибы и недоработки в бюрократической машине. Как указывалось выше, данные подходы предлагались и частично внедрялись в относительно «либеральные» годы правления Коммунистической партии Китая, в 1990–2000-е гг., когда на первом месте стояли вопросы социально-экономического развития страны. На практике это выражалось в том, что региональным властям, бизнес-структурам и иным акторам передавалось большое количество управленческих полномочий. Для повышения экономической эффективности такой стратегии в 2002–2003 гг. Председатель КНР и генеральный секретарь КПК Ху Цзиньтао и его идеологи начали внедрять концепцию научного развития в качестве основы развития государства, что предполагало повышение роли общества в управлении страной и требовало привлечения новых эффективных концепций социального управления. Несмотря на то, что китайская социология в тот период еще не оперировала понятиями «сетей» и «поток», она, тем не менее, включала в область управления новые феномены. Так, в работе Чжао Лили и Цюй Сихуа «Анализ концепций управления с точки зрения социологии» была предпринята попытка описать сети. Эта попытка, в частности, состояла в формулировании проблемы отсутствия понимания реального субъекта управления: таковым часто считают отдельного управленца, тогда так решения в больших организациях часто принимаются и пересматриваются в результате сложных внутрисистемных связей. Кроме того, авторы вводят в управленческий дискурс такие понятия, как «корпоративное общество», «коллективная воля» и им подобные. В этой же работе были и попытки зафиксировать потоковую изменчивость общества, авторы стремятся охарактеризовать ее через «иррациональность», «уровень свободы», «несистемные факторы» и т. д.¹⁶. Несмотря на обсуждение указанных подходов, с приходом к власти Си Цзиньпина в 2012–2013 гг. социум-ориентированные подходы следует считать практически

свернутыми, поскольку они не отвечают курсу на усиление роли партийно-государственной элиты в регулировании всех форм общественных отношений. КПК сохраняет широкое присутствие на всех уровнях общественной и политической организации – от государственных структур до местных сообществ и частного бизнеса. Исходя из ухудшающихся внешних условий, КПК с высокой настороженностью относится к передаче инициативы в другие руки и созданию новых акторов в китайском обществе. На это также указывают возросшая роль малых руководящих групп, переосмысление принципа «один орган – две вывески» (создание полностью дублирующих друг друга органов в партии и в госструктурах) и другие меры, призванные увеличить контроль КПК над внутренними процессами.

Вместе с тем, «срединные» этатистски-социумные подходы предполагают, что даже при сохранении руководящей роли партийно-государственной машины возможно увеличение акторов процесса управления обществом. Выделение такого рода подходов и их анализ основан на концепции «середины» как метода, присущего не только Китаю, но весьма для него характерного, в том числе в сфере управления [29]. «Срединные» подходы стремятся уравновесить традиционные и инновационные взгляды на социальное управление, предлагая различных новых участников регулирования общественных процессов [30]. Такая роль, например, отводится общественным организациям: разработку подобных идей мы находим, в частности, в работах Ли Сюэцзюя «Усиление социального строительства и управления, стимулирование продвижения социальной гармонии и развития»¹⁷ и Доу Юйпэя «Социальное управление и социальная гармония»¹⁸. Для развития таких подходов китайские ученые вводят понятие «мультиядерной субъектности», предполагающей, что субъект управления может включать в себя самые разные общественные силы: научные круги, бизнес, некоммерческие и посреднические организации, граждан по отдельности и т. д. Такого мнения, в частности, придерживаются Люй Чжикуй и Ху Вэйвэй в работе «Размышления о контрмерах на усиление функций правительства КНР в сфере социального управления»¹⁹, а также Шэн Мэйцзюань в статье «Трансформация китайского общества и инновации в методах социального

¹⁴ Цзя Юйцзяо. Согласование интересов и упорядоченный социум: формирование теории согласования интересов в китайском обществе в транзитный период с позиции социального менеджмента: дис. д-ра социол. наук. Чанчунь: Цзилиньский университет, 2010. 229 с. (На кит. яз.).

¹⁵ Сюй Юнь. Формирование и развитие общественных организаций через призму социального управления (на примере города Нанкин провинции Цзянсу): дис. д-ра социол. наук. Нанкин: Нанкинский университет, 2015. 167 с. (На кит. яз.).

¹⁶ Чжао Лили, Цюй Сихуа. Детальный анализ управленческих концепций через призму социологии // Тянь фу синь лунь. 2005. № 2. С. 85–88. (На кит. яз.).

¹⁷ Ли Сюэцзюй. Укреплять общественное строительство и социальный менеджмент, стимулировать общественную гармонию и развитие // Цю ши. 2005. № 7. С. 16–19. (На кит. яз.).

¹⁸ Доу Юйпэй. Социальный менеджмент и общественное согласие. Пекин: Чжунго шэхуэй чубаншэ, 2005. 345 с. (На кит. яз.).

¹⁹ Лю Чжикуй, Ху Вэйвэй. Анализ встречных мер на усиление правительственных функций в сфере социального менеджмента в Китае: доклад «Правительственный социальный менеджмент», ч. 4 // Дун нань сюэ шу. 2005. № 4. (На кит. яз.).

управления» (盛美娟, 2008)²⁰. Эти подходы развиваются и через эволюцию на китайской почве некоторых западных концепций. Так, Ли Цзюньпэн анализирует идею «малого правительства», в рамках которой некоторые западные ученые предполагали постепенную передачу функций правительства гражданам с постепенным снижением роли правительств во всем мире по мере роста самоуправления. Китайский социолог предполагает, что для Китая с его этатистской ориентацией более применимой будет китаизированная регион-специфичная модель социального управления, которую он определяет через формулу «сильное правительство, большое общество». Под «сильным правительством» тут понимаются властные элиты, способные занимать ведущую роль во всех сферах жизни, а под «большим обществом» – такие социальные силы, которые способны построить гражданское общество и на основе диалога с властью координировать все сферы общественной жизни, упорядочивая ее не сверху, а снизу²¹. Разумеется, в «срединных» подходах такая координация возможна только при консенсусе относительно основной политико-идеологической базы. Эти подходы формулируются во множестве современных работ по социальному управлению, примером могут служить труды Хэ Вэя «Построение общности управления: исследование консультативного управления в городских сообществах на примере района Путо города Шанхай»²², Ван Лися «Исследование моделей управления сельскими сообществами народности баоань»²³ и др. Довольно подробное описание «гибридного» типа управления, как его называет автор, можно найти в работе Лу Дэцзя «Создание и совершенствование системы управления городскими сообществами: исследование на примере района Пинцзян города Сучжоу»²⁴. Такой тип управления в трактовке Лу Дэцзя направлен на объединение усилий правительства и городского сообщества, при этом формулируя горизонтальную, а не вертикальную систему их взаимодействия: на уровне сообщества ядром должны стать органы управления самого сообщества, а задача правительственных учреждений соответствующего уровня – помощь в планировании, контроль и финансирование. Этот тип, по мнению многих исследователей, оптимален для современного Китая, он способствует контролируемому урбанизации [31] и развитию социальной сферы [32]. При этом Лу Дэцзя указывает,

что работоспособность такого типа управления зависит от эффективного решения нескольких существенных проблем системы управления городскими сообществами. Среди них чрезмерный контроль со стороны правительственных учреждений, недостаточная автономность на уровне городских сообществ и низкий уровень правовой регламентации системы управления городскими сообществами. На подобные проблемы указывают и исследователи других сфер, в частности, социального управления водными ресурсами [33].

Зафиксированный третий тип подходов назван нами «срединным», поскольку такие подходы, как уже указывалось выше, отвечают традиционным установкам китайской управленческой мысли на «срединность» (поиск третьего пути из двух противоположных) и объединяют глобальную социально-ориентированную модель «субъект-субъект» с китайской традиционной и идеологической моделью «субъект-объект». Такой тип взаимоотношений между иерархически различными акторами социального управления соответствует социологически выявляемому ориентиру китайского общества на солидаризацию как фактор укрепления социальной стабильности. Очевидная критика работоспособности данного подхода заключается в том, что все существующие на сегодня значимые социальные силы, в том числе упомянутые выше общественные организации, финансируются государством [34] и функционируют под полным контролем КПК. Поэтому они часто рассматриваются как ее дополнительные органы, функционирующие снаружи самой партии, но являющиеся проводниками ее политики на всех уровнях [35]. Все такого рода организации и локальные комитеты низового управления также часто рассматриваются как своего рода посредники между государством и гражданами [36], призванные снимать социальное напряжение и координировать интересы различных групп населения [37]. Нередко указывается и на то, что этот подход ведет не к реальному разделению властных полномочий, а перекладыванию ответственности и рисков на низовые объединения граждан, будь то общественные организации или локальные сообщества [38]. Все вышеуказанное позволяет рассматривать «срединные» подходы как завуалированное продолжение этатистски-ориентированных подходов, нежели как развитие социум-ориентированных. В ответ на эту критику, как

²⁰ Шэн Мэйцзюань. Изменения в китайском социуме и инновации в подходах к социальному менеджменту // Ланьчжоу сюэкань. 2008. № 12. С. 77–80. (На кит. яз.).

²¹ Ли Цзюньпэн. К вопросу об успехах, проблемах и стратегиях китайского правительственного социального менеджмента // Хубэй синчжэн сюэюань сюэбао. 2005. № 1. (На кит. яз.).

²² Хэ Вэй. Формирование общности управления: консультативное управления в городских микрорайонах (на примере района Путо города Шанхай) : дис. д-ра социол. наук. Шанхай : Восточно-Китайский педагогический университет, 2018. 208 с. (На кит. яз.).

²³ Ван Лися. Модели сельского управления народности баоань : дис. д-ра социол. наук. Ланьчжоу: Ланьчжоуский университет, 2014. 173 с. (На кит. яз.).

²⁴ Лу Дэцзя. Формирование и улучшение системы управления городскими микрорайонами (на примере района Пинцзян города Сучжоу) : дис. д-ра социол. наук. Нанкин : Нанкинский университет, 2015. 167 с. (На кит. яз.).

правило, в качестве базового аргумента приводится фиксируемый в КНР фактор высокого доверия к власти и ее инструментам [39]. Это доверие оценивается как основная движущая сила, побуждающая граждан активнее включаться в процессы низового управления во взаимодействии с партийными и государственными органами [40].

Резюмируя сказанное, современную систему социального управления через призму китайской социологии можно охарактеризовать как двойственную. С одной стороны, она сохраняет вертикальные отношения «власть – общество», с другой стороны, пытается придать обществу большую субъектность на нижнем уровне иерархии. Наконец, данные подходы можно интерпретировать как учитывающие сложность системы социального управления и движущиеся в том же направлении, что и наиболее актуальные социологические теории, в рамках которых предпринимается попытка объединения всех характеристик социальности: институтов, интеракций, сетей и потоков.

Проведенный анализ показал, что проблема субъект-объектных отношений в системе социального управления в китайской социологии рассматривается через различные концептуальные основания. На материале большого массива диссертационных исследований, выполненных в континентальном Китае в период с 2000 г. по настоящее время, а также ряде материалов научной периодики, установлено, что китайские социологи интерпретируют соотношение государства, общества и иных участников управления через три группы подходов, которые мы можем охарактеризовать как этатистски-ориентированные, социум-ориентированные и «срединные» этатистски-социумные.

Этатистски-ориентированные подходы сохраняют приоритет модели «субъект-объект», традиционной для китайской управленческой культуры, при этом они ориентированы на классические парадигмы социологического знания, в которых базовыми характеристиками социальности выступают институты и интеракции. В рамках этой модели единственным субъектом системы социального управления выступают партийно-государственные институты, а другие общественные институты, например, общественные организации, рассматриваются, как и общество в целом, преимущественно как объекты регулирующего воздействия. В рамках таких подходов управленческая система мыслится как иерархическая и нормативно упорядоченная.

Социум-ориентированные подходы, напротив, демонстрируют современную тенденцию к расширению субъектного поля социального управления и приближению к модели «субъект-субъект». В рамках этих подходов акцент переносится на возможности общества к самоорганизации, а также на участие негосударственных акторов

в координации общественной жизни. Предполагается, что в социумах мира назрела необходимость перераспределения управленческих функций между государством и обществом. Вместе с тем анализ показал, что в условиях современного континентального Китая данные подходы не стали доминирующими и после 2012–2013 гг. в значительной степени утратили прежнюю динамику развития, в первую очередь в связи с усилением управленческой вертикали после прихода к власти Си Цзиньпина. При этом данные подходы следует считать наиболее близкими к пониманию современных социологических концепций «сетей» и «потоков», если интерпретировать эти характеристики социальности в рамках системы социального управления.

Наиболее характерными для современной китайской социологии следует считать «срединные» этатистски-социумные подходы. Их специфика заключается в стремлении соединить сохранение ведущей роли партийно-государственных органов с ограниченным включением в управленческий процесс общественных организаций, локальных сообществ, посреднических структур и других социальных сил, способных включаться в процессы самоорганизации. Тем самым китайская социология предлагает новую, усложненную систему иерархии: объект управления частично наделяется признаками субъекта, однако в границах, задаваемых партийно-государственной системой и базовой идеологической рамкой. Следует констатировать, что в рамках данных подходов китайская социология пытается уравновесить все зафиксированные на сегодня характеристики социальности.

Как мы полагаем, эволюция китайских представлений о социальном управлении связана также с поисками равновесия между прямым заимствованием западных концепций и их активной адаптацией к китайской политической, культурной и цивилизационной специфике. При этом через призму социологии мы наблюдаем значимый сдвиг от преимущественно административно-управленческого понимания социального управления к более комплексной модели, которая учитывает множество акторов, необходимость координации их усилий, а также процессы сетевизации и усложнения общественной среды. Вместе с тем, этот сдвиг в Китае не ведет к полной замене модели «субъект-объект» моделью «субъект-субъект», а формирует систему, в которой предпринимается попытка встроить инновационные горизонтальные механизмы в традиционно вертикальные процессы управления.

В теоретическом плане китайские социологические подходы показывают движение от понимания социального управления исключительно через институты и интеракции к более сложному взгляду на общественную жизнь, учитывающему также сети и потоки как характеристики

дополненной социальности. Это особенно заметно в работах, где социальное управление рассматривается не только как деятельность государства по поддержанию порядка, но и как механизм реагирования на риски, нестабильность, цифровизацию, локальную самоорганизацию и новые формы общественной связанности. Тем самым китайская социология постепенно фиксирует усложнение самого объекта управления, что требует пересмотра вертикальной модели распределения ролей между субъектом и объектом. Можно заключить, что современная китайская социология разрабатывает собственную модель, в которой сочетаются две важных характеристики системы социального управления. Первая характеристика – это иерархичность, свойственная для китайской традиции и выстраиваемая партией и государством, вторая – это субъектность общества,

которая нарастает в связи с усложнением сетевых и потоковых процессов. Данная модель направлена на поиск равновесия между контролем и участием, вертикалью и координацией, а также между традицией и инновацией.

Перспективы дальнейшего изучения данной проблематики могут быть связаны с более детальным анализом региональных различий в практиках социального управления в КНР, а также изучением цифровых платформ и ИИ-технологий как новых посредников субъект-объектных отношений. Кроме того, интерес представляет сопоставление официального дискурса социального управления и реальных низовых механизмов участия населения в управленческих процессах. Как полагаем, именно в этой плоскости прослеживается специфика трансформации социального управления в XXI веке по китайской модели.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Савченко И. А. Статус ученого в корпоративной культуре университета // Эпистемология и философия науки. 2025. Т. 62, № 1. С. 148–169. DOI 10.5840/eps202562112. EDN OAD-WDB.
2. Щербина В. В. Обосновано ли существование социологии управления как специальной социолого-регулятивной теории? // Социологические исследования. 2021. № 3. С. 57–65. DOI 10.31857/S013216250013727-2. EDN FILOVZ.
3. Степин В. С. Типы научной рациональности и синергетическая парадигма // Сложность. Разум. Постнеклассика. 2013. № 4. С. 45–59. EDN SYRGQD.
4. Oliveira D. J. S. Social Management: Epistemology Beyond Paradigms // Organizações & Sociedade. 2021. Vol. 28, № 98. Pp. 582–606. DOI 10.1590/1984-92302021v28n9805EN. EDN WZABRZ.
5. Coppedge M. Venezuela: Popular Sovereignty versus Liberal Democracy // Working Papers of the Kellogg Institute for International Studies of the University of Notre Dame. 2002. № 294. DOI 10.7274/26126239.
6. Restrepo-Medina M. A., Nieto-Rodríguez M. A. Governability or Governance in Water Resource Management. The Colombian Case // Revista Republicana. 2020. № 28. Pp. 159–178. DOI 10.21017/Rev.Repub.2020.v28.a81. EDN MTAKLB.
7. Roehl U. B. U., Hansen M. B. Automated, Administrative Decision-Making and Good Governance: Synergies, Trade-Offs, and Limits // Public Administration Review. 2024. № 84 (6). Pp. 1184–1199. DOI 10.1111/puar.13799. EDN QJCFXC.
8. Jentoft S., Chuenpagdee R. (Eds.). Interactive Governance for Small-Scale Fisheries: Global Reflections. Vol. 13. Cham: Springer International Publishing, 2015. 775 p. DOI 10.1007/978-3-319-17034-3.
9. Nielsen M. H., Andersen N. A. Ignoring by complying: How public officials handle hybridity to pursue the goals of new public governance // Public Administration. 2024. 102 (4). Pp. 1382–1396. DOI 10.1111/padm.12979. EDN HKGNMT.
10. Margerum R. D., Mason D. P., Rosenberg S., Khan Z. A Reliance Typology of Collaborative Governance Platforms: Findings From a Comparative Study // Administration & Society. 2025. Vol. 57. № 2. Pp. 187–217. DOI 10.1177/00953997241305632. EDN KQOZAW.
11. Centeno J. P. Knowledge Conditions in the Co-creation of Social Innovation: A Theory-driven Review // Administration & Society. 2025. Vol. 57. № 6. Pp. 779–826. DOI 10.1177/00953997251334810. EDN MIWAUZ.
12. Aguilar Villanueva L. F. Nueva gobernanza pública: un panorama conceptual // Perfiles Latinoamericanos. 2024. Vol. 32, № 63. Pp. 1–25. DOI 10.18504/pl3263-001-2024. EDN DCXCDZ.
13. Aoki N., Tay M., Rawat S. Whole-of-government and joined-up government: A systematic literature review. Public Administration. 2024. № 102 (2). Pp. 733–752. DOI 10.1111/padm.12949. EDN LVOFBN.
14. Бекетов Н. В. Институциональность социального управления // Дайджест-финансы. 2008. № 4 (160). С. 56–60. EDN IJJQTN.
15. Афонин Ю. А., Орлова Л. В. Социальная безопасность – социальное государство – социальное управление // Sciences of Europe. 2017. № 13-2 (13). С. 50–59. EDN YKVPBN.
16. Чернышова Л. Д. Социальное управление в регионе // Социология власти. 2006. № 6. С. 5–15. EDN HVQUCN.
17. Овчаров А. О., Овчарова Т. Н. Комплексная парадигма социального управления //

- Политика и общество. 2017. № 8. С. 130–143. DOI 10.7256/2454-0684.2017.8.21137. EDN ZFBCPL.
18. Тихонов А. В. Опыт социолого-культурологического исследования проблем реформирования властно-управленческой вертикали // Вестник Института социологии. 2014. № 3 (10). С. 66–84. EDN SPDLTX.
19. Кремнёв Е. В. Социальное управление: воздействие или взаимодействие? // Социодинамика. 2023. № 8. С. 60–68. DOI 10.25136/2409-7144.2023.8.44130. EDN YJAVQW.
20. Стоянов А. С., Ярова Т. В. Сущность и структура социального управления в основных сферах жизнедеятельности современного российского общества : монография. Одинцово : Одинцовский гуманитарный институт, 2011. 115 с. EDN QONDPD.
21. Лепский В. Е. Эволюция представлений об управлении (методологический и философский анализ) М. : Когито-Центр, 2015. 107 с. EDN UQRIZN.
22. Иванов Д. В. Третья интегративная волна в развитии социологии. Часть 1. Актуальность новой повестки // Социологические исследования. 2024. № 6. С. 3–15. DOI 10.31857/S0132162524060014. EDN EKBIAA.
23. Орланов Г. Б. Социальное управление и социология власти // Социология власти. 2010. № 7. С. 158–166. EDN NBLXDX.
24. Антошкин В. Н. Социальные законы и социальное управление // Вестник Башкирского университета. 2012. Т. 17, № 1-1. С. 594–597. EDN PEGULN.
25. Иванов Д. В. Третья интегративная волна в развитии социологии. Часть 2. Теории и методы для дополненной социальной реальности // Социологические исследования. 2024. № 7. С. 23–36. DOI 10.31857/S0132162524070045. EDN JIJANG.
26. Дерюгин П. П., Лебединцева Л. А. Традиционные и новые формы социальности в актуальной повестке социологии // Среднерусский вестник общественных наук. 2025. Т. 20, № 1. С. 92–107. DOI 10.22394/2071-2367-2025-20-1-92-107. EDN EBQOBY.
27. Дерюгин П. П., Кузнецова О. В., Куражев С. Д., Карапетян К. А., Юй Я. Диагностика связанности структур дополненной социальности: пилотаж сетевой методики // VII Готлибовские чтения: востоковедение и регионоведение Азиатско-Тихоокеанского региона : материалы Международной научно-практической конференции (Иркутск, 01–03 октября 2024 г.). Иркутск : ИГУ, 2024. С. 25–31. EDN JSEVAY.
28. Саяпин В. О. Сетевое общество как матрица современной структуры социальной виртуальности // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. 2016. № 1 (63). С. 140–141. EDN VJFNVF.
29. Давыдов А. П. У конфуцианских истоков социального развития современного Китая (срединный путь как способ создания гармоничного общества) // Россия-Китай: управление обществом в цифровую эпоху : коллективная монография. Москва : ГУУ, 2020. С. 57–72. EDN KVOJJJ.
30. Goodman D. S. G. Local social governance in China: Spatial politics and social welfare // China Information. 2025. 40 (2), pp. 169–199. DOI 10.1177/0920203X251362114. EDN JYDKSF.
31. Tang B. Urbanisation, governance, and local state-building in China: the making of new citizens // Journal of Chinese Governance. 2025. Published online: 11 Aug 2025. DOI 10.1080/23812346.2025.2540650.
32. Liu S., Wu Y., Jiang G., Dong J. System dynamics modeling of collaborative governance in smart cities: a case study of Dongguan, China // Scientific Reports. 2024. Vol. 14. Article 31758. DOI 10.1038/s41598-024-82363-1. EDN RWSRUK.
33. Huang C., Wang Q., Yi H. Understanding collaborative water governance in local China: The role of collaborative strategy in shaping network structures // Chinese Public Administration Review. 2025. Vol. 16, № 2. Pp. 89–103. DOI 10.1177/15396754251327845. EDN VOOHMS.
34. Wu Z., Dong Q. A conditional crowd out/in model of government funding on giving of money and time: evidence from social service organizations in China // Journal of Chinese Governance. 2024. Vol. 9, Iss. 3. Pp. 396–422. DOI 10.1080/23812346.2024.2350820.
35. Трошинский П. В. Массовые организации нового Китая // Проблемы Дальнего Востока. 2026. № 1. С. 5–22. DOI 10.7868/S2712909826010017. EDN FDTIUW.
36. Trevaskes S., Lin D. Embedding “Society” into the Chinese Communist Party’s Rule of Law // Hague Journal on the Rule of Law. 2025. Vol. 17. № 2. Pp. 359–380. DOI 10.1007/s40803-025-00252-9. EDN EVYDYU.
37. Wang Y., Wu F. Micro-regeneration and participatory governance: a local social governance experiment in China // Journal of Chinese Governance. 2025. Vol. 10, № 3. Pp. 394–418. DOI 10.1080/23812346.2025.2493988. EDN IGHKMO.
38. Wu F., Deng H., Feng Y., Wang W., Wang Y., Zhang F. From entrepreneurial to managerial statecraft: New trends of urban governance transformation in post-pandemic China // Urban Studies. 2025. Vol. 62. № 15. Pp. 3092–3109. DOI 10.1177/00420980251333304. EDN PPUJGM.
39. Xie C., Huang L., Li Y. Evaluating the coordinated development between digital technology and local safety management capability: evidence

from 31 provinces in China // *Journal of Chinese Governance*. 2024. Vol. 9, № 4. Pp. 453–482. DOI 10.1080/23812346.2024.2389495.

40. Wang, Chenchen, and Xuehe Zhang. Governance Capacity, Social Justice, Social Security, and

Institutionalized Political Participation in China: A Moderated Mediation Model // *Chinese Public Administration Review*. 2024. Vol. 15, Iss. 3. Pp. 194–206. DOI 10.1177/15396754241252978. EDN DZHLSD.

REFERENCES

1. Savchenko, I. A. (2025) The Status of a Scientist in the Corporate Culture of the University. *Epistemology & Philosophy of Science*, 62 (1), pp. 148–169. <https://doi.org/10.5840/eps202562112>. <https://elibrary.ru/oadwdb>.
2. Shcherbina, V. V. (2021) Is the Existence of Management Sociology Justified as a Special Sociological-Regulatory Theory? *Sociological Studies / Sotsiologicheskie Issledovaniia*, (3), pp. 57–65. <https://doi.org/10.31857/S013216250013727-2>. <https://elibrary.ru/filovz>.
3. Stepin, V. S. (2013) Types of scientific rationality and synergetic paradigm. *Complexity. Mind. Post-nonclassics*, (4), pp. 45–59. <https://elibrary.ru/syrgqd>.
4. Oliveira, D. J. S. (2021) Social Management: Epistemology Beyond Paradigms. *Organizações & Sociedade*, 28 (98), pp. 582–606. <https://doi.org/10.1590/1984-92302021v28n9805EN>. <https://elibrary.ru/wzabrz>.
5. Coppedge, M. (2002) Venezuela: Popular Sovereignty versus Liberal Democracy. *Working Papers of the Kellogg Institute for International Studies*, № 294. URL: https://www.researchgate.net/publication/265496175_Venezuela_Popular_Sovereignty_versus_Liberal_Democracy. <https://doi.org/10.7274/26126239>.
6. Restrepo-Medina, M. A., Nieto-Rodríguez, M. A. (2020) Governability or Governance in Water Resource Management. The Colombian Case. *Revista Republicana*, (28), pp. 159–178. <https://doi.org/10.21017/Rev.Repub.2020.v28.a81>. <https://elibrary.ru/mtaklb>.
7. Roehl, U. B. U., Hansen, M. B. (2024) Automated, Administrative Decision-Making and Good Governance: Synergies, Trade-Offs, and Limits. *Public Administration Review*, 84 (6), pp. 1184–1199. <https://doi.org/10.1111/puar.13799>. <https://elibrary.ru/qjcfxc>.
8. Jentoft, S., Chuenpagdee, R. (eds.) (2015) Interactive Governance for Small-Scale Fisheries: Global Reflections. *MARE Publication Series*, 13. Cham, Springer, 775 p. <https://doi.org/10.1007/978-3-319-17034-3>.
9. Nielsen, M. H., Andersen, N. A. (2024). Ignoring by complying: How public officials handle hybridity to pursue the goals of new public governance. *Public Administration*, 102 (4), pp. 1382–1396. <https://doi.org/10.1111/padm.12979>. <https://elibrary.ru/hkgmnt>.
10. Margerum, R. D., Mason, D. P., Rosenberg, S., Khan, Z. (2025) A Reliance Typology of Collaborative Governance Platforms: Findings From a Comparative Study. *Administration & Society*, 57 (2), pp. 187–217. <https://doi.org/10.1177/00953997241305632>. <https://elibrary.ru/kqozaw>.
11. Centeno, J. P. (2025) Knowledge Conditions in the Co-creation of Social Innovation: A Theory-driven Review. *Administration & Society*, 57 (6), pp. 779–826. <https://doi.org/10.1177/00953997251334810>. <https://elibrary.ru/miwauz>.
12. Aguilar Villanueva, L. F. (2024) Nueva gobernanza pública: un panorama conceptual. *Perfiles Latinoamericanos*, 32 (63), article 001. <https://doi.org/10.18504/pl3263-001-2024>. <https://elibrary.ru/dcxcdz>.
13. Aoki, N., Tay, M., Rawat, S. (2024). Whole-of-government and joined-up government: A systematic literature review. *Public Administration*, 102 (2), 733–752. <https://doi.org/10.1111/padm.12949>. <https://elibrary.ru/lvofbn>.
14. Beketov, N. V. (2008) Institutionality of Social Management. *Digest Finance*, 4, pp. 56–60. <https://elibrary.ru/ijjqttn>.
15. Afonin, Yu. A., Orlova, L. V. (2017) Social security – the welfare state – social management. *Sciences of Europe*, (13-2), pp. 50–59. <https://elibrary.ru/ykvpbn>.
16. Chernyshova, L. D. (2006) Social administration in a region. *Sociology of Power*, (6), pp. 5–15. <https://elibrary.ru/hvqucn>.
17. Ovcharov, A. O., Ovcharova, T. N. (2017) Complex Paradigm of Social Management. *Politics and Society*, (8), pp. 130–143. <https://doi.org/10.7256/2454-0684.2017.8.21137>. <https://elibrary.ru/zfbcpl>.
18. Tikhonov, A. V. (2014) A Experience of sociological and culturological research of problems of administrative vertical reforming. *Bulletin of the Institute of Sociology*, (3), pp. 66–84. <https://elibrary.ru/spdltx>.
19. Kremnyov, E. V. (2023) Social Management: Impact or Interaction? *Sociodynamics*, (8), pp. 60–68. <https://doi.org/10.25136/2409-7144.2023.8.44130>. <https://elibrary.ru/yjavqw>.
20. Stoyanov, A. S., Yarovova, T. V. (2011) The Essence and Structure of Social Management in the Main Spheres of Life of Contemporary Russian Society. *Odintsovo*, 115 p. <https://elibrary.ru/qondpd>.
21. Lepskiy, V. E. (2015) Evolution of Ideas about Management (Methodological and Philosophical Analysis). Moscow, 107 p. <https://elibrary.ru/uqrizn>.

22. Ivanov, D. V. (2024) The Third Integrative Wave in Sociology. Part I: The Relevance of a New Agenda. *Sociological Studies / Sotsiologicheskie Issledovaniia*, (6), pp. 3–15. <https://doi.org/10.31857/S0132162524060014>. <https://elibrary.ru/ekbiaa>.
23. Orlanov, G. B. (2010) Social Management and Sociology of Authority. *Sociology of Power*, (7), pp. 158–166. <https://elibrary.ru/nblxdx>.
24. Antoshkin, V. N. (2012) Social Laws and Social Management. *Vestnik Baskirskogo universiteta*, 17 (1-1), pp. 594–597. <https://elibrary.ru/peguln>.
25. Ivanov, D. V. (2024) The Third Integrative Wave in Sociology's Development. Part II. Theories and Methods for an Augmented Social Reality. *Sociological Studies / Sotsiologicheskie Issledovaniia*, (7), pp. 23–36. <https://doi.org/10.31857/S0132162524070045>. <https://elibrary.ru/jijahg>.
26. Deryugin, P. P., Lebedintseva, L. A. (2025) Traditional and New Forms of Sociality in the Current Agenda of Sociology. *Central Russian Journal of Social Sciences*, 20 (1), pp. 92–107. <https://doi.org/10.22394/2071-2367-2025-20-1-92-107>. <https://elibrary.ru/ebqoby>.
27. Deryugin, P. P., Kuznetsova, O. V., Kurazhev, S. D., Karapetyan, K. A., Yu, Ya. (2024) Diagnostics of Connectivity of Augmented Sociality Structures: Piloting a Network Technique. In: *VII Gotlib Readings: Oriental and Area Studies of the Asia-Pacific Region*. Proceedings of the International Scientific and Practical Conference (Irkutsk, October 1–3, 2024), pp. 25–31. <https://elibrary.ru/jseway>.
28. Sayapin, V. O. (2016) Network Society as a Matrix of Contemporary Structure of Social Virtuality. *Historical, Philosophical, Political and Law Sciences, Culturology and Study of Art. Issues of Theory and Practice*, (1), pp. 140–141. <https://elibrary.ru/vjfnvf>.
29. Davydov, A. P. (2020) At the Confucian Origins of the Social Development of Modern China (The Middle Way as a Method of Creating a Harmonious Society). In: *Russia–China: Managing Society in the Digital Era*. Moscow, pp. 57–72. <https://elibrary.ru/kvojji>.
30. Goodman, D. S. G. (2025) Local social governance in China: Spatial politics and social welfare. *China Information*, 40 (2), pp. 169–199. <https://doi.org/10.1177/0920203X251362114>. <https://elibrary.ru/jydksf>.
31. Tang, B. (2025) Urbanisation, governance, and local state-building in China: the making of new citizens. *Journal of Chinese Governance*. Published online: 11 Aug 2025. <https://doi.org/10.1080/23812346.2025.2540650>.
32. Liu, S., Wu, Y., Jiang, G., Dong, J. (2024) System dynamics modeling of collaborative governance in smart cities: a case study of Dongguan, China. *Scientific Reports*, 14 (1), article 31758. <https://doi.org/10.1038/s41598-024-82363-1>. <https://elibrary.ru/rwsruk>.
33. Huang, C., Wang, Q., Yi, H. (2025) Understanding collaborative water governance in local China: The role of collaborative strategy in shaping network structures. *Chinese Public Administration Review*, 16 (2), pp. 89–103. <https://doi.org/10.1177/15396754251327845>. <https://elibrary.ru/vooahms>.
34. Wu, Z., Dong, Q. (2024) A conditional crowd out/in model of government funding on giving of money and time: evidence from social service organizations in China. *Journal of Chinese Governance*, 9 (3), pp. 396–422. <https://doi.org/10.1080/23812346.2024.2350820>.
35. Troshchinsky, P. V. (2026) Mass Organizations of New China. *Problemy Dal'nego Vostoka / Far Eastern Studies*, (1), pp. 5–22. <https://doi.org/10.7868/S2712909826010017>. <https://elibrary.ru/fdtiuw>.
36. Trevaskes, S., Lin, D. (2025) Embedding “Society” into the Chinese Communist Party's Rule of Law. *Hague Journal on the Rule of Law*, 17 (2), pp. 359–380. <https://doi.org/10.1007/s40803-025-00252-9>. <https://elibrary.ru/evydyu>.
37. Wang, Y., Wu, F. (2025) Micro-regeneration and participatory governance: a local social governance experiment in China. *Journal of Chinese Governance*, 10 (3), pp. 394–418. <https://doi.org/10.1080/23812346.2025.2493988>. <https://elibrary.ru/ighkmo>.
38. Wu, F., Deng, H., Feng, Y., Wang, W., Wang, Y., Zhang, F. (2025) From entrepreneurial to managerial statecraft: New trends of urban governance transformation in post-pandemic China. *Urban Studies*, 62 (15), pp. 3092–3109. <https://doi.org/10.1177/00420980251333304>. <https://elibrary.ru/ppujgm>.
39. Xie, C., Huang, L., Li, Y. (2024) Evaluating the coordinated development between digital technology and local safety management capability: evidence from 31 provinces in China. *Journal of Chinese Governance*, 9 (4), pp. 453–482. <https://doi.org/10.1080/23812346.2024.2389495>.
40. Wang, C., Zhang, X. (2024) Governance Capacity, Social Justice, Social Security, and Institutionalized Political Participation in China: A Moderated Mediation Model. *Chinese Public Administration Review*, 15 (3), pp. 194–206. <https://doi.org/10.1177/15396754241252978>. <https://elibrary.ru/dzhlsd>.